

ДОЧЕРИ ОЗЕРА

ВЕНДИ УЭББ

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
У97

Wendy Webb
DAUGHTERS OF THE LAKE

Text copyright © 2018 by Wendy Webb. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Cover design by Damon Freeman

Уэбб, Венди.
У97 Дочери озера / Венди Уэбб ; [перевод с англий-
ского Е. С. Никитина]. — Москва : Эксмо, 2022. —
352 с. — (Ток. Мистик-триллер).

ISBN 978-5-04-164146-7

Чтобы прийти в себя после неудачного брака, Кейт Грейнджер поселилась в доме родителей на берегу громадного озера Верхнее. И там овеванные легендами воды «внутреннего моря» Северной Америки подкидывают ей страшную тайну — выбрасывают на берег убитую женщину. Удивительно хорошо сохранившееся тело в старинной ночной рубашке, в складках которой... запутался мертвый ребенок.

Кто она? — у полиции нет ответа на этот вопрос. Но Кейт словно знает эту женщину — видит в странных снах, где не может отличить себя от нее. Эти сны бурлящим потоком уносят ее на сто лет назад, кружат в водовороте древних легенд и семейных преданий. В них Кейт — соучастница давней истории любви, полной трагедий и до сих пор не разрешенных загадок.

Но теперь озеро готово дать ответы. А Кейт жаждет их получить. Пусть она может объединиться с утопленницей лишь во снах, только вместе женщины способны раскрыть страшные тайны прошлого...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Никитин Е.С., перевод на русский язык,
2022

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-164146-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Бену, моему сыну,
луне и звездам¹*

¹ Игра слов, основанная на аналогичном звучании англ. son (сын) и sun (солнце); параллельное значение фразы — «Бену, моему солнцу, луне и звездам».

Глава 1

Наконец это время пришло: озеро отдало ее. И однажды утром на исходе лета мягко вынесло тело на мелководье — можно было подумать, что она просто плыла, погрузившись в спокойный сон. В белой ночной рубашке — длинной, развевающейся, изящной, с бантом на вороте. Такие раньше надевали на ночь состоятельные женщины. Спутанные каштановые волосы каскадом ниспадали на лицо. Она слегка улыбалась. Глаза удивительного фиалкового цвета чуть приоткрыты — словно она только что проснулась. Одна рука спряталась в складках, другая вытянулась, вцепившись в прибрежный песок. Как будто женщина пыталась вытащить себя на берег.

Ее внешность была тем более поразительна, что женщина умерла почти столетие назад.

Когда тело вынесло на берег в то утро, никто из ныне живущих ничего не помнил о ней. Кроме Кейт Грейнджер, которая — вовсе не случайное совпадение — жила в доме с видом на тот самый берег, где сейчас лежал труп.

Близкие утопленницы сами давно умерли, истории и ее, и их жизнью — удивительные или ничем не примечательные — похоронены вместе с ними, рас-

творились в земле или воде, позабылись, стали частью пейзажа. Как и эта женщина за прошедший век.

Но некоторые истории — преимущественно необычные, связанные с убийствами и тайнами, имеют свойство всплывать на поверхность, особенно когда нужно исправлять ошибки прошлого. Они дают о себе знать, несмотря на все усилия сохранить их в тайне. Всему свое время. И сейчас время самое подходящее.

В тот момент, когда тело выбросило на берег, Кейт Грейнджер плеснула в чашку остатки кофе из кофейника и свернулась калачиком с кроссвордом в кресле, любимом с детства. Она и не подозревала, что ее жизнь вот-вот совершит очень странный поворот.

Тело обнаружил ее отец Фред. Фред прогуливался по этому участку берега со своей собакой каждое утро столько лет, что уже сбился со счета. Во время прогулок под мелодичный шум плещущейся о берег воды он обретал душевный покой. Жизнь разыгрывала новыми красками.

За прошедшие годы он находил на берегу озера много разных мелочей, выброшенных туда ветром и волнами. Конечно, там были камни, отполированные песком и водой до блеска стеклышек. Они украшали берег, как ракушки, — дары этого внутреннего моря. Многие местные верили, что в камешках живет дух озера, — хотя и сами себе не признавались в этом. Люди подбирали их и носили в карманах или клали на приборные панели, подоконники и столы как талисманы, приносящие удачу.

Во время прогулок Фред находил не только камни. С детства озеро одаривало его самыми разными вещами, которые можно изучать, разглядывать и

просто любоваться. Однажды утром после внезапного особенно сильного ночного шторма Фред нашел обломок спасательной шлюпки и понял, что озеро утащило на дно судно со всем экипажем. В другой раз он обнаружил на мелководье каноэ, в котором остались ланч для пикника, пара спасательных жилетов и непочатая бутылка виски «Джек Дэниэлс». Он навел справки, но так и не узнал, кому принадлежало каноэ или что озеро сделало с его владельцами. Но одно он знал точно — бутылку лучше не открывать. А вот ни одного трупа Фреду обнаружить еще не доводилось.

Утро началось как обычно. Фред со своей немецкой овчаркой Сэди спустились по длинной деревянной лестнице с домовой террасы на берег. Вместо того чтобы, как всегда, помчаться вдоль берега, Сэди застыла, поджала хвост, наклонила голову и уставилась на воду, утробно рыча, как будто испугалась самого озера.

— Сэди! Идем, девочка! — окликнул хозяин. Но собака не трогалась с места.

Фред взгляделся в горизонт в том направлении, куда смотрела Сэди, и заметил в воде какой-то предмет, но с такого расстояния не мог определить, что это. Коряга? Перевернутая байдарка?

Предмет подплывал все ближе к берегу, и Фред почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Никакая не байдарка.

Он прищурился на солнце, полез в задний карман за мобильником, который брал на прогулки по настоянию жены, и набрал номер шерифа Джонни.

— Джон, я не уверен, но мне кажется, в озере труп, — сообщил он.

Шериф и «Скорая помощь» должны вот-вот подъехать. Тем временем Фред скинул ботинки и, несмотря на протесты Сэди, ступил в холодную воду. Оставался маленький шанс, что человек еще жив. Нужно попытаться помочь. Но, приблизившись, Фред понял, что перед ним уже неодушевленный предмет, который поздно спасать. Он стоял по шиколотку в воде и смотрел, как тело женщины плывет к берегу под предостерегающий лай. Через несколько минут прибыл шериф.

— Что тут у нас?.. — начал было Джонни и резко замолчал. Он не был набожным, но вдруг вспомнил уроки в католической школе и перекрестился. Мужчины молчали. Джонни служил шерифом округа уже двадцать пять лет и не раз бывал на месте преступления, но сейчас просто стоял с открытым ртом, пораженный видом мертвой женщины. Ему доводилось встречать несколько трупов, но ничего похожего на этот. Возможно, дело было в ее безупречной коже или в позе — утопленница цеплялась одной рукой за песок. Или в выражении лица. «Она не кажется мертвой», — подумал Джонни. Из безжизненных глаз как будто исходил свет.

В голове шерифа возникли какие-то смутные, обрывочные мысли, совсем неподходящие для места преступления. Джонни Страттон задумался о настоящей любви. От выражения лица утопленницы его мысли почему-то переключились на утреннюю ухмылочку бывшей жены (увы, он слишком хорошо ее помнил), а потом на более приятное воспоминание о Мэри Карлсон, своей первой любви, — сладко пахнущей, добродушной рыжеволосой девушке, которую Страттон не видел со средней

школы. Джонни вспомнил ее бедро, прижавшееся к его бедру, когда они разъезжали по городу в стареньком отцовском «Камаро». Какой мягкой была на ощупь ее маленькая ручка, когда их пальцы переплелись. Какой яблочный аромат исходил от нее. Стоя на берегу озера и глядя на труп, шериф задумался, что стало с Мэри. А потом выбросил эти мысли из головы. Господи, он же на месте преступления.

Фред тоже был загипнотизирован увиденным. Он тоже думал о своей настоящей любви — женщине, которая сейчас, конечно, моет посуду после завтрака. О Беверли, на которой женат уже сорок пять лет. Хорошо, что она не пошла с ним и не видит это.

Раздумья обоих прервало появление Кейт. Она торопливо спускалась по лестнице на берег.

— Пап! — позвала она. Мужчины вздрогнули и резко повернули головы в ее сторону. — Папа! Я услышала лай Сэди и пришла проверить, все ли в порядке...

Подойдя ближе, она тоже замолчала. Бросила взгляд на безжизненное лицо женщины и рухнула на колени, заглушая ладонями рвущийся наружу беззвучный крик.

— Ничего страшного, дорогая. — Фред подбежал и обнял дочь. — Джонни прямо сейчас вызовет судмедэксперта. Да, Джон? Идем домой. Пусть шериф делает свою работу.

— Нет! — Вместо крика у Кейт получился шепот. Она вырвалась из отцовских объятий. Никто не успел ее остановить — она подбежала к утопленнице и начала рвать на ней рубашку. Когда Джонни с Фредом оттащили Кейти, все трое снова замерли.

— Господи Иисусе, — прошептал Джонни.

Кейт наконец обрела дар речи и пронзила утреннюю тишину таким громким воплем, что все живое в округе замолчало, прислушиваясь. Там, в складках одеяния покойницы, свернулся ребенок. Неподвижное крошечное тельце словно безмятежно спало, убаюканное в материнских объятиях.

Глава 2

Грейт-Бэй, 1889

В то утро, когда Адди Кассатт появилась на свет, туман так окутал деревья, дома и берег озера, что ее мать Мари не осмелилась отправиться к доктору в одиночку. Его кабинет находился неподалеку — Кассатты жили меньше чем в миле от главной улицы, но в то утро Мари не видела дальше порога. Она устала вилась на плотную белую пелену, не зная, что предпринять. Дом ближайшего соседа исчез в тумане, а муж сейчас рыбачил на озере, невзирая на непогоду и деликатное положение жены. Некому помочь ей добраться до поселка или вызвать доктора. Она одна в доме и, как казалось Мари, одна на всем белом свете. Но лужица под ногами свидетельствовала, что ей недолго осталось пребывать в одиночестве: вот-вот появится младенец.

Муж Мари Маркус и его брат Джин были потомками тех, кто рыбачил в этих водах с незапамятных времен. Они не собирались пропускать целый день из-за какого-то там тумана (не говоря уж о беременности Мари). Большинство других местных рыбаков считали, что очень глупо со стороны Кассаттов

выходить в такую погоду. Но Маркус и Джин знали, что рыбе нравится бархатистый туман. Братья не раз видели, как косяки высывали морды на поверхность туманным утром, чтобы попробовать ки-сею на вкус.

Мари все это было неважно: она лежала одна в постели, ворочаясь и содрогаясь от боли — предвестницы скорого появления первенца. *Поселок не так уж далеко*, — твердила она себе после каждой схватки, когда боль слабела. Она изо дня в день ходила по этой грунтовой дороге со своими собаками и прекрасно знала каждый поворот. Разумеется, сможет сама добраться туда. Или хотя бы до соседского дома.

Давай, Мари. Просто небольшой туман. Встань. Позови на помощь. Ребенок на подходе.

Мари попыталась встать с постели, но боль усилилась. Она со стоном опустила голову обратно на подушку. Возникло ощущение, что она плывет. Как будто ее тело стало рекой, по которой ее ребенок, как по мосту, войдет в этот мир.

Все мысли улетучились. В окно спальни была видна только ослепительная белизна. Кто знает — может, она уже поглотила школу, магазин, почту и весь поселок. Осталось ли хоть что-нибудь? Уцелел ли мир? Мысли об этой белой плотной сущности, напоминающей живое существо, привели Мари в ужас. Она была уверена, что если рискнет выйти наружу, то туман собьет ее с пути, уведет в густой лес за поселком, и там она будет блуждать, пока не родится ребенок. Еще больше выбивал из колеи тот факт, что на заднем дворе Поляр и Люси лаяли на белизну.

Помоги мне, мама, — последняя здравая мысль, которая промелькнула в голове. А потом ее тело содрогнулось от схваток.

Чуть дальше вдоль берега соседка Мари, Руби Томпсон, собирала узелок. Она знала, что болван Маркус ушел на озеро, оставив жену одну-одинешеньку в такой день, когда ей вот-вот рожать. Нужно убедиться, что с Мари все в порядке, — и плевать на туман.

Руби завернула с собой свежеиспеченный пирог и вышла в белизну навстречу длинному ряду сосен между их домами. Она медленно, вслепую, двигалась на ощупь от дерева к дереву. Прогулка в тумане напомнила Руби зимний день из детства, когда она оказалась на улице в метель. Тогда несколько человек из их маленькой общины погибли, захваченные врасплох внезапной снежной бурей. Маленькая Руби возвращалась домой из школы, когда повалил снег. Тогда она, как и сегодня, пробиралась от дерева к дереву, пытаясь отыскать дорогу. И сейчас ее бил озноб от одной мысли о том дне, который не так уж сильно отличался от нынешнего. Наконец Руби добралась до дома Кассаттов и вздохнула с облегчением.

Она постучалась в дверь. Почему Мари не отвечает?

Господи Иисусе. Должно быть, рожает прямо сейчас.

Руби толкнула дверь — не заперто. И вошла.

— Мари! — позвала она. Ответа не последовало.

Где она? Где эти проклятые собаки?

Руби обошла дом комнату за комнатой — пусто. Она начала впадать в отчаяние. Что-то здесь не так. Когда женщина обнаружила, что ведущая на задний

двор кухонная дверь открыта, то выбежала наружу, не обращая внимания на слепящий туман. Руби наизусть знала дорогу от кухни до берега озера и могла пройти ее с закрытыми глазами. А сейчас именно это и требовалось.

Руби поспешила вниз по тропинке, спотыкаясь о корни деревьев и камни — *почему Маркус не расчистил как следует эту тропинку, ленивый придурок*, — пока не добралась до озера. Дальше нескольких дюймов ничего не видно. В какую сторону идти? Она повернула налево и побежала вдоль берега, зовя подругу по имени.

Вскоре Мари выплыла из тумана почти у ног Руби. Она лежала на мелководье — то ли потеряла сознание, то ли уснула, то ли умерла. Платье обвилось вокруг ног. Ребенка нигде не видно.

На крики Руби сбежались все, кто был рядом. Первым — ее муж Томас, потом Отто и Бетси Лунд. К тому времени, как мужчины отнесли Мари обратно в дом, позволили Руби переодеть ее в сухую ночную рубашку и уложили в кровать, Мари вышла из оцепенения.

— Куда вы ее унесли? — плакала она в бреду. — Где мой ребенок?

Никто не спрашивал, зачем она пошла к озеру. Никто вообще ничего не говорил кроме «отдыхай, Мари», «тебе пришлось столько пережить» и «ну всё, всё».

Но такими словами материнское горе не унять. Взгляд Мари метался из стороны в сторону. Она вновь и вновь пыталась подняться с постели.

— Мое дитя, — повторяла она. Руби взяла мужа под руку и вывела наружу.